

УДК 904(510)

DOI: 10.28995/2686-7249-2020-8-66-81

Об облике людей из согдийской диаспоры в Китае

Сергей А. Яценко

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sergey_yatsenko@mail.ru*

Аннотация. Надежное выделение согдийцев в искусстве Китая ранней династии Тан представляет собой серьезную методологическую проблему. Трудности идентификации усугубляются тем, что многие их изображения найдены при грабительских раскопках. Затрудняет ее и шедшая довольно быстро культурная ассимиляция согдийцев. Эта проблема решалась автором в последние годы на основе комплексного изучения костюма согдийцев и их соседей и их признанных социальных ролей. Имеется существенная разница в социальном статусе большинства персонажей, изображенных в искусстве Согда, и в диаспоре. Китайские глиняные погребальные фигурки «минчжи», производившиеся между 660 и 755 годами, представляют собой иногда портреты согдийцев, изображенные с высокой точностью в этнографических деталях. Вместе с тем смысл помещения их в могилы китайских чиновников не вполне ясен. Выявлен список из 15 элементов костюма, бывших для китайцев своеобразными признаками согдийской культурной идентичности. Изредка среди «минчжи» попадаются такие экзотические по внешности персонажи, как согдийский аристократ-чиновник или торговец дорогим вином.

Ключевые слова: образцы согдийцев, диаспора в Китае, VII–VIII вв. н. э., погребальные фигурки «минчжи», анализ костюма и деталей иконографии, социальные роли

Для цитирования: Яценко С.А. Об облике людей из согдийской диаспоры в Китае // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2020. № 8. С. 66–81. DOI: 10.28995/2686-7249-2020-8-66-81

On the images of peoples from the Sogdian diaspora in China

Sergei A. Yatsenko

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sergey_yatsenko@mail.ru*

Abstract. The reliable identification of Sogdians in the art of China of the early Tang dynasty is the big methodological problem. The difficulty of identification is compound by the fact that many of their images were found during the non-official excavations. The cultural assimilation of the Sogdians, which was going quite quickly, also makes it difficult. The cultural assimilation of the Sogdians, which was going quite quickly, also makes it difficult. This problem studied by the author in recent years on the basis of a comprehensive study of the costume of Sogdians and their neighbors, and their recognized social roles. There is a significant difference in the social status of most of the personages depicted in the art of Sogdia and in the Diaspora. Chinese clay burial figures “mingqi”, produced between 660 and 755 yy. CE, are sometimes portraits of Sogdians, depicted with high accuracy in ethnographic details. However, the meaning of placing them in the graves of Chinese officials is not entirely clear. A list of 15 costume elements that were the peculiar signs of Sogdian cultural identity for the Chinese was revealed. Occasionally, among “mingqi” there are such exotic-looking characters as a Sogdian aristocrat-official or a merchant of expensive wine.

Keywords: Images of Sogdians, diaspora in China, the 7th–8th cc. CE, “mingqi” burial figurines, analysis of costume and iconography’ details, social roles

For citation: Yatsenko, S.A. (2020), “On the images of peoples from the Sogdian diaspora in China”, *RSUH/RGGU Bulletin, “Literary Theory, Linguistics, Cultural Studies” Series*, no. 8, pp. 66–81, DOI: 10.28995/2686-7249-2020-8-66-81

Для изучения культуры согдийцев, оказавшихся по разным причинам за рубежами своей родины, большое значение имеют изображения из Китая начала династии Тан. В свою очередь, среди них особое место занимают специальные погребальные керамические (с полихромной росписью под глазурию), реже деревянные расписные фигурки, помещавшиеся в могилу значимого лица. Там эти статуэтки образовывали тематические группы с разными сюжетами и расставлялись в особом порядке, при этом каждая отдельная фигурка обычно изображала лишь одного человека (в целом по назначению они близки древнеегипетским загробным слугам «ушеб-ти»). Эти полихромные глиняные фигурки «минчжи» / mingqi / 冥器 производились в основном между 660 и 755 годами; больше всего

их найдено в некрополях вокруг тогдашней китайской столицы. Высота их колеблется от 25 до 60 см. Эти фигурки изготовлялись мастерами из этнических китайцев, и на большинстве «минчжи» изображены именно они; но иногда мы видим на них не только ханьцев, но и людей из других народов, в том числе тех, которые в целом не были подданными империи Тан, а приезжали на работу и постоянное жительство в разные города Китая.

В ранний период династии Тан Китай был богатейшей страной мира и одним из немногих государств, широко открытых для иностранцев, их проживания и карьеры. Необычно велик был интерес императорского двора, чиновничьей элиты и рядовых жителей самого большого города мира – Чанъани – к иноземным культурам. Нет ничего странного, что в китайском искусстве того времени мы часто видим иностранцев в их национальном костюме и с характерными атрибутами, занятыми самыми типичными для них, с точки зрения китайцев, делами. Не до конца понятно, почему экзотические иноземцы во множестве, наряду с китайскими (ханьскими) персонажами, помещались и в гробницы чиновников в виде таких погребальных фигурок. Ясно лишь, что изготовлялись изображения тех немногих иностранцев-горожан, которым могли быть полезны своими талантами и профессией влиятельным ханьцам и после смерти.

Из китайских источников известно, что в крупных городах в это время чаще других проживали восточные тюрки (бывшие в основном на военной службе) и коренные жители Согда / 粟特 (в условиях тогдашнего Китая именуемые просто «ху» / Hu / 胡 – «варвары» как наиболее типичные представители иноземцев), которые еще раньше, в VI в. н. э., заняли прочное место в сферах местного бизнеса, сервиса и искусства. Однако в VII в. пик их социально-политического влияния на уже объединенный Китай, ведший успешные войны с тюрками, миновал. После 618 года ушли в прошлое времена могущественных согдийских «сабао» / Sabao / 薩保 («начальников варваров»), руководивших не только кварталами иностранцев, но и занимавших в столицах китайских царств министерские посты, оставивших роскошные гробницы с символическими резными и расписными мраморными ложами и т. п. Напротив, Согд в это время страдал от междоусобиц удельных тюркских правителей, а в первой половине VIII в. подвергся нашествию арабов, что вызывало очередную эмиграцию. Вне Согда, например, разгром китайцами Восточного Каната в 630 г. привел к организации шести новых согдийских округов в пограничной полосе Империи.

Особую ценность имеют находки «минчжи» в археологическом контексте конкретных погребений, на предметах из которых часто имеются точная дата смерти их хозяина, его имя и фамилия, основ-

ные этапы биографии. К сожалению, многие статуэтки происходят из разграбленных гробниц, они в большом числе попадали и попадают в частные коллекции и музеи, зачастую далеко от границ нынешнего Китая (особенно в коллекции и музеи Северной Америки). Многие из таких фигурок проданы частным лицам на крупных аукционах (Christies, Sotheby's), в галереях и специальных салонах (Barakat Gallery, A. & J. Speelman Gallery, Alain R. Truong Antiquities и др.), на электронных торгах (www.ebay.com, chinantique.fr/product/tang-braided-horsewoman, www.LiveAuctioneers.com, www.haitu.com, www.brigemans.com и др.) и известны только по фотографиям в Интернете. При этом для продажи грабители обычно старались выбирать фигурки с полной сохранностью и художественной ценностью. В некоторых случаях (особенно когда могила была разграблена, а грабители и торговцы продавали фигурки лишь частями – парами и т. п.) можно сожалеть, что мы не можем полностью понять контекст, смысл помещения этой конкретной фигурки в могилу.

Но и те, что найдены в «закрытых» и не разрушенных до прихода археологов могилах, разумеется, не подписаны, и во многих случаях даже сегодня ведущие специалисты по этой теме не могут точно определить, что именно за иностранцы изображены на них. На эту тему до моих исследований почти отсутствовала специальная литература, и, к сожалению, определения народов в ней вполне фантастичны и ничем, кроме поверхностной интуиции, не аргументируются (наиболее известные примеры: Mahler 1959; Schloss 1969). Это не удивительно: такая работа была связана с большими трудностями; ведь вначале надо было системно обработать по определенной программе огромный материал по достоверным изображениям представителей разных народов Шелкового пути. В последние годы мне приходилось много заниматься этнической атрибуцией персонажей «минжчи», в том числе с весны 2008 г. – специально согдийской [Яценко 2017; 2018; Yatsenko 2012; 2019]¹. Чем больше мы изучим разных «минжчи», разбросанных ныне по многим странам и часто хранящимся анонимно, тем более достоверные выводы получим и яснее будем видеть общую картину².

¹ Толчком к этому послужило обращение ко мне профессора и лекционера «минжчи» из Калифорнии Майкла Сандерса с просьбой дать этническую атрибуцию серии фигурок.

² Несколько лет назад вышла небольшая книга Сьюзенн Вэлейстейн по «минжчи» торговцев вином. Автор видит в таких китайских изображениях в том числе и буддийскую символику. Трудностей с этнической атрибуцией у автора не возникло: известно, что этим в китайских городах занимались согдийцы, см. [Valenstein 2015].

Отличить согдийцев от других «западных» народов, наиболее часто приезжавших тогда в Китай (жителей Тохаристана, Чача, Ирана, Хотана, Кучи, тюрок), на минчжи помогает, конечно, костюм изображенных, бывший в традиционных обществах своеобразным паспортом человека, точнее – учет всех его деталей на каждом «минчжи». Также мне многие годы пришлось системно изучать мужской костюм согдийцев на их родине [Яценко 2006, с. 197–201, 231–247, 282, 294–298, 321, 330–331, 337, 344, 350, 361–362; рис. 151–153, 180–188; Yatsenko 2006], а также внешний облик их основных соседей.

Фигурки «минчжи» ценны для изучения согдийской культуры по нескольким причинам.

1. В отличие от большинства изображений в самом Согде, они обычно полностью сохранили форму и часто – многоцветный декор.

2. В передаче китайскими художниками-керамистами облика согдийцев (как и других «западных и северных варваров») видим уникальную для мирового искусства раннего средневековья, исключительную этнографическую точность в мельчайших деталях, в том числе в передаче реальных цветов, узоров тканей, прически, облика лица и т. п.

3. Хотя и терракоты Согда, в том числе более ранние [Мешкерис 1962; 1989; Kidd 2002], и китайские «минчжи» имели *культовый характер*, на первых (как и в согдийской живописи) изображались прежде всего божества, мифо-эпические персонажи, часто – в архаичном, иноземном или фантастическом в деталях костюме (в живописи также – правители и аристократия, реже – священнослужители. Простые люди представлены крайне редко в «массовках»: эпизодах эпоса и иноземной литературы, приемах гостей, на охоте и т. п.). Напротив, на «минчжи» мы видим обычно реально падавших в Китай согдийцев совсем иного социального статуса – торговцев, проводников верблюжьих караванов, музыкантов, танцоров, прислугу богатых купцов, причем эти люди заняты своими обычными делами. Для понимания реальной культуры повседневности согдийцев китайские фигурки дают намного больше, чем изобразительные материалы на родине.

Поэтому не будем удивляться тому, что такие детали костюма и культовых атрибутов, которые почти не изображались в самом Согде, мы гораздо чаще встречаем у китайских согдийцев. В гробницах верхушки согдийской диаспоры – богатых купцов и финансистов, немногих попавших сюда аристократов-дикханов в период перед династией Тан (во второй половине VI в.) – изображали соответствующие их статусу роскошные головные уборы и парадные пояса. На фигурках «минчжи» мы, напротив, видим у многих

изображенных одежду, приспособленную к физическому труду, путешествиям в пыли и грязи³ и долгому пребыванию на холоде (простые овчинные шубы).

Другой особенностью является то, что, живя в Китае, иностранцы перенимали детали костюма ханьцев: обычай запахивать верхнюю одежду направо (обычное для народов Средней Азии запахивание одежды, иранского *caftan* налево китайцы допускали только для мертвецов)⁴; ношение основного мужского головного убора “*nytou*” / pu'tou / 幘頭 в виде небольшого черного / коричневого платка, завязывавшегося на голове узелочками спереди и сзади [Yatsenko 2019, figs. 4, I], некоторых типов прически [Yatsenko 2012, p. 111]. Эти элементы костюма ханьцев многие иностранцы заимствовали по разным причинам, чтобы легче было работать с ханьскими клиентами, не слишком выделяться внешне на фоне ханьских семей, а также из искреннего уважения к культуре великой страны. Кроме того, и на торговых путях китайские согдийцы изредка заимствовали отдельные элементы культуры народов Центральной Азии.

В древнем искусстве разных стран при создании понятного для зрителя стереотипного образа иностранца во многих случаях было достаточно изобразить *один* важный элемент костюма (чаще всего это головной убор, который виден издали, и у многих народов имел высокое статусное значение, укрывая собой голову – вместилище души человека. Реже это одежда, носимая на плечах). В современных условиях глобализации это также очень распространенный способ для многих людей подчеркнуть в интернациональной среде свою культурную идентичность. Понятно, что широкое распространение у многих мужчин-иностранцев в Китае периода Тан китайского головного убора (хотя оно интересно и ценно) только *усложняет* возможность их национальной принадлежности на изображениях.

В терракотовых фигурках «минчжи» отразились свойственные ханьцам эпохи династии Тан *стереотипные представления о других народах*. Среди необразованных людей о согдийцах обычно го-

³ Иногда правый рукав кафтана спущен с плеча или, как у повара в фартуке на фигурке с аукциона Sotheby's, закатан, чтобы не мешать работе. В других случаях подол кафтана подтыкали за пояс, чтобы меньше пылился [Yatsenko 2019, fig. 6, 4]. Повязки на лбу предохраняли от стекающего пота. Поверх штанов и обычной обуви иногда видим крепившиеся к поясу очень длинные грубые чулки – ноговицы от пыли и грязи.

⁴ У юношей изредка наблюдаем случаи сохранения согдийского запахивания налево (видимо, у тех, кто недавно прибыл в Китай) [Yatsenko 2019, fig. 7, 3].

ворили, что они очень жадны до денег и ведут дальнюю караванную торговлю самыми дорогими товарами (шелк, ковры и др.), умеют льстивыми речами завлечь и подчас обмануть покупателей. Говорили также, что согдийцы слишком любят виноградное вино, а потому торгуют им именно они (считалось, что согдийцы приучили Поднебесную к широкому употреблению вина). Все эти представления отражены в «минчжи», изображающих согдийцев (здесь мы видим караванщика, держащего в руках веревку от нагруженного верблюда или едущего на нем, торговца вином и торговца коврами, наемного слуги). Но, кроме этих простонародных представлений, и в текстах, и в «минчжи» отражено, к счастью, также искусство танца и музыки, которыми согдийцы заслуженно славились (понятно, что единичные, прославившиеся на весь Китай согдийские художники и композиторы на «минчжи» не представлены).

Самая заметная черта изображений согдийцев на «минчжи» – это *отсутствие женских образов* (чего не скажешь о женщинах-музыкантках и танцовщицах из ближних к Китаю оазисов Синьцзяна). Это не удивительно: большинство согдийских женщин в диаспоре сидели дома. Наиболее популярным сюжетом с оседлыми «западными варварами» в начале династии Тан были изображения вероятного *проводника каравана*, который ведет за веревку уже часто невидимого современному зрителю верблюда (обычно комплект фигурок был разобщен при продаже грабителями могил); реже он восседает на нем. Кроме караванщиков, в числе самых популярных сюжетов «минчжи» с согдийцами – всадники на лошадях (в том числе охотники), музыканты и стоящие или идущие, согнувшись под грузом, слуги с атрибутами своих занятий. Как и все гражданские жители Поднебесной, они в городских условиях не носят оружия (только на охоте за городом видим у них лук со стрелами и, судя по положению рук – копье).

На многих изображениях пеших проводников каравана, как и всадников на верблюдах, менее талантливые или менее внимательные мастера *изображали детально лишь некоторые элементы костюма*, которые были *общими* для жителей обоих важнейших торговых партнеров Китая в Средней Азии – *как Согда так и Тохаристана (Тухоло)* [Yatsenko 2019, fig. 4]. Для персонажей таких «минчжи» было бы проще определить национальность, если бы на них были национальные головные уборы, но они носят ханьские «путоу». Этот головной убор был явно популярен в VII–VIII вв. среди участников караванов с Запада: они часто изображены и у людей, ведущих верблюда, и у всадников на верблюдах, уличных торговцев. Все они носились мужчинами зрелого возраста. Остальные части костюма людей этой группы (*caftan* с двумя

лацканами, заимствованный предками тюрков из древнего Хотана в Синьцзяне; типы прически; высокие сапоги) известны в обеих странах. Сложность возникает и в тех случаях, когда представлен уникальный головной убор [Yatsenko 2019, fig. 4, 1].

В недавних публикациях мы выявили *15 специфических элементов костюма, свойственных именно согдийцам* в Китае и явно бывших как для самих согдийцев, так и для китайских мастеров и семей чиновников, заказывавших им фигурки, маркерами культурной идентичности [Yatsenko 2019, 68–69]. Это впервые создает надежную основу для этнокультурной атрибуции. Китайцы согдийский костюм (в отличие от восточнотюркского) в это время практически не заимствовали⁵. Иногда наличия только одного-двух из этих элементов достаточно, чтобы надежно видеть в персонаже согдийца. Назовем вначале те из них, которые представлены и в парадном, и в элитном, преимущественно религиозном и фольклорно-мифологическом, искусстве *в самом Согде*.

1. Наличие *одного небольшого лацкана кафтана слева* на верхней одежде [Yatsenko 2019, figs. 5, 1–2; 7, 4]⁶. Но в Согде он изображается редко, видимо потому, что в местном искусстве изображены в основном представители элиты.

2. *Верхняя одежда с очень короткими рукавами* [Yatsenko 2019, fig. 5, 1–2] (В оазисе Куча похожую одежду носили только аристократы, а ее нижний край выглядел иначе.)

3. *Головной убор в форме высокого, узкого конуса*. Его обычно носят пешие или сидящие на верблюдах караванщики, в одном случае – продавец ковров [Yatsenko 2019, fig. 6, 1; 7, 4] (рис. 1)⁷. Нижний край этого головного убора из войлока или ткани мог закатываться (чтобы уменьшить его высоту) или иметь разрезы (для удобства надевания на голову).

4–5. Два типа головных *уборов, имитирующих боевой шлем* (рис. 2, 1). Бытовали у музыкантов и танцоров [Yatsenko 2019, fig. 6, 2–3].

6. *Прическа юношей с двумя небольшими шаровидными узлами-выступами по бокам*. Известна у пеших караванщиков и у предполагаемых поваров [Yatsenko 2019, fig. 6, 5].

⁵Исключением могли быть иногда редкие и в самом Согде вертикальные красные полосы на штанах [Yatsenko 2019, p. 71, fig. 10].

⁶Такой элемент обязательно есть на всех «минжчи» торговцев с коврами и юных караванщиков, носящих прическу с узлами по бокам.

⁷Как мне кажется, этот удобный, исходно согдийский убор на трассах Шелкового пути мог использоваться и торговцами *из других народов* Центральной Азии. Поэтому более достоверно его сочетание еще с 1–2 согдийскими элементами костюма.

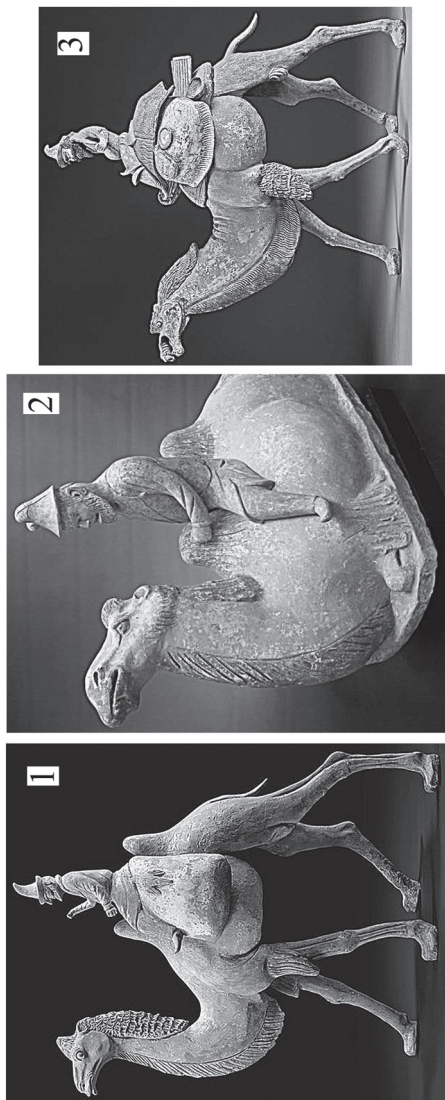

Рис. 1. Караванщики на верблюдах в конических головных уборах и коротких кафтанах:
1 – Christies; 2 – Barakat Gallery; 3 – Sothebys

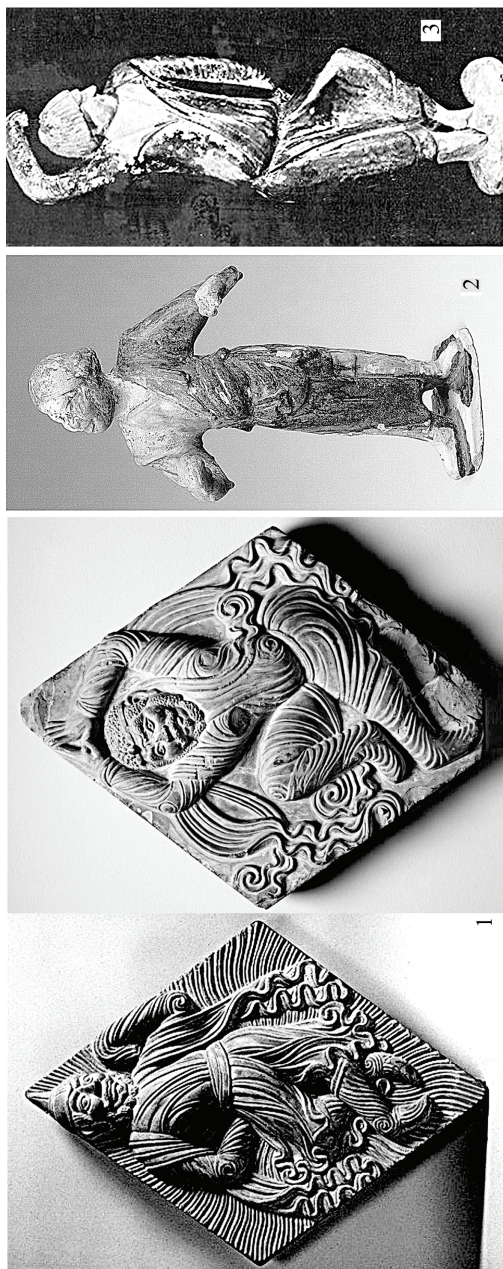

Рис. 2. Танцоры в согдийском костюме:

1 – облицовочные плитки из Ануянг / Аньяна, Cleveland Museum of Art;

2 – частная коллекция; 3 – Royal Ontario Museum, Торонто

7. Простая *головная повязка юношей-караванщиков* от пота [Yatsenko 2019, fig. 6, 4]. У других иностранцев она на «минджи» не изображалась.

8. *Пояс из ткани, повязанный двумя типами узлов, в том числе прямым морским узлом* (в Тохаристане его тогда не носили). Он представлен у согдийцев с разными занятиями, в том числе у представителей элиты [Yatsenko 2019, fig. 5, 3; 6, 2; 7, 3].

Несколько предметов костюма в *Согде пока неизвестны*, хотя в Китае они, несомненно, носились только согдийцами.

9. *Дорожная короткая шуба (полушубок) из шкуры овцы*. Если он носился на голое тело и был вывернут шерстью наружу, то это был летний вариант. Часто ее носили в дороге нараспашку, на голое тело [Yatsenko 2019, fig. 7, 1].

10. *Рубаха с резко расширяющимися к краям рукавами* [Yatsenko 2019, fig. 7, 2].

11. Невысокий головной убор с широким выступом на затылке и с рядом *крупных рубчиков* (имитация меха?) по краю, с узкой вертикальной полоской посередине лба и с какими-то узорами (вышивка?) с боков. Он иногда изображался у торговцев вином и стоящих слуг [Yatsenko 2019, fig. 7, 5; Schloss, 1969, № 57].

12. Конический головной убор из ткани (верхушка свисает вперед) с широким выступом на затылке [Yatsenko 2019, fig. 7, 2].

13. На молодых слугах иногда видим особый *кухонный фартук* поверх основной одежды; это не китайский по облику элемент [Yatsenko 2019, fig. 7, 3].

14. Длинные *рабочие чулки – ноговицы*, крепившиеся ремнями к поясу, которые из-за специфики сюжетов и статуса участников не документированы на родине. Они изредка видны у караванщиков – пеших и на верблюдах [Yatsenko 2019, fig. 4, II, 1; 7, 4].

15. Пример заимствования вне Согды из костюма соседей на родине – *одноцветная шапочка в форме цилиндра* (у влиятельных лиц она имеет довольно высокий околыш или основание, и на мраморных рельефах VI века иногда – меховую опушку). Она употреблялась жителями ближайшей к Согду части Тохаристана – *Чаганиана* [Яценко 2006, с. 200; рис. 195, 3]. В Китае ее носили и музыканты [Yatsenko 2019, fig. 7, 6] и самые влиятельные согдийцы (рис. 3).

У наиболее популярных желтых кафтанов подкладка (выглядывавшая на лацканах) была обычно зеленой, у красных – белой, у голубых – красной. Лишь изредка подкладка была из дорогого узорчатого полихромного шелка. Некоторые кафтаны разной длины имели широкую полосу на подоле другого цвета [Yatsenko 2019, fig. 6, 4]. Короткие кафтаны некоторых караванщиков имеют клиновидные вырезы с боков (рис. 1, 2). Во время танца один или оба

Рис. 3. Фигурка знатного согдийца
(South Florida Art and Conservation)

рукава (которые были много длиннее руки) ритуально распускали, как это делали многие народы [Yatsenko 2019, fig. 6, 2]. При этом ни при какой работе мужчину не изображали в одной нательной рубаше (это, видимо, считалось и опасным для сглаза, и неприличным). Пояса согдийцев обычно – узкие кожаные, без украшений, или чуть более широкие матерчатые (у продавцов ковров их завязанные сложным узлом концы весьма эффектно свисают, как и у аристократа: рис. 3).

В городском и дорожном быту согдийские мужчины предпочитали носить кожаные сапоги – высокие, реже – полусапожки выше щиколоток, обычно черного цвета (такую обувь любили восточные тюрки, а от них переняли и китайцы), изредка белые или красные, как на родине. Но иногда у танцоров сапоги, вероятно, покрывались дорогой тканью [Yatsenko 2019, fig. 5, 2] (рис. 2, 1–2), как на единичных подлинных экземплярах из нескольких частных собраний. Реже носились, видимо, туфли, которые чуть прикрывались краем

штанов [Yatsenko 2019, fig. 7, 6]. Юного караванщика и рабочего с лопатой мастер не постеснялся изобразить босыми. Юноши явно брили появлявшиеся усы и бородку. Напротив, взрослые мужчины обычно щеголяли окладистыми бородами.

Обратим внимание на несколько наиболее эффектных персонажей. Во-первых, это некоторые продавцы марочного вина [Yatsenko 2019, fig. 7, 5]. Замечу, что во многих странах в прошлом одежда продавцов дорогого товара отличалась броскостью, и их в народе не без причины считали щеголями. У обоих персонажей короткий кафтан не запахнут, как обычно, а застегнут заколкой у шеи и заправлен в штаны; вся поверхность кафтана покрыта металлическими медальонами разного размера (на крупных есть сюжетные изображения); короткие рукава имеют длинную бахромю. Заметны напояженные и завитые усики (другие продавцы вина тоже помадят узкие длинные, но горизонтальные усы) и короткая, тщательно остриженная бородка. Продавец на [Valenstein 2015, cover] имеет вдобавок крупные серьги и пояс с крупными бляхами. На остальных согдийцах, известных на «минчжи», все эти детали неизвестны.

Уникальную статуэтку из Музея восточного искусства в Турине сразу же объявили изображением «зороастрийского жреца» и, думается, напрасно [Yatsenko 2019, fig. 7, 2]. В действительности его уникальные парадная рубаха с резко расширяющимися рукавами и тканый головной убор с очень длинным выступом на затылке и свисающим верхом (см. выше типы 10 и 12) не имеют аналогов на изображениях ни у служителей маздеисткой религии Согда и Хорезма, ни у персидского зороастрийского жречества, а маска занимает большую площадь лица, чем обычно у жречества и дворцовых слуг, обслуживающих правителя. Это позволяет скорее считать его актером некоего ритуального представления [Яценко 2017, с. 187]. Головной убор его архаичен, он встречен в Согде I–III вв. н. э. и также – на актерам или музыкантам [Мешкерис 1989, с. 148–149, рис. 53, 1].

Несомненно, представитель элиты изображен на одной из терракот. Это не рядовой работник, как на остальных фигурках, и, возможно, эта «минчжи» сделана для его могилы. Это редчайший для подобных статуэток согдиец-чиновник, о чем говорит его поза и облик в целом (рис. 3). Как и многие представители согдийской верхушки более раннего VI века, он не носит бороду, ограничиваясь короткими усиками. На голове – типичная для влиятельных китайских согдийцев предшествовавшего времени цилиндрическая шапочка (сзади на ней красная сложная сюжетная композиция, увы, плохо сохранившаяся). Белый кафтан застегнут вверху на три крупные пуговицы. Из-под него выглядывает темно-зеле-

ная рубаха. Тканый пояс со сложным узлом, полусапожки – все это обычно для согдийцев.

На тех «минчжи», которые изображают согдийцев, их основная одежда, носимая на плечах, чаще всего имеет *желтый или темно-красный цвета* (еще реже – коричневый, зеленый и белый). Преобладание именно красного и желтого цветов давно отмечено в одежде согдийцев на их родине [Яценко 2006, с. 242–243]. То же можно сказать о цвете высоких сапог – он обычно белый или черный. Получается, даже в этих деталях китайские мастера-керамисты были очень точны. *Движения танцоров* (на «минчжи», глиняных флягах и плитках) аналогичны тем, которые мы встречаем в танцах согдийцев, живших в Китае в VI веке [Yatsenko 2012, figs. 6–7]. *Состав музыкальных инструментов* на фигурках такой же, как на достоверных изображениях китайских согдийцев (например, на посмертных каменных ложах конца VI в. из могилы Ань Цзе / Ань Чжия в Сиани [Сиань бэйшоу... 2003, с. 25, 28, 37] и из Музея Михо [Umehara 1997, p. 247–257]. Кроме собственно внешнего облика согдийцев, терракоты-«минчжи» во всех деталях изображают некоторые бытовые реалии: набор самых нужных вещей, которые караванщик крепил, и верблюжьего седла, приемы обращения с лошадьми и т. п.

Периодически на мировом антикварном рынке (особенно в Англии, США, Франции и Китае) или из недавних раскопок могил китайскими археологами появляются новые интересные фигурки «минчжи» с согдийцами. Они могут существенно пополнить наши представления о подобных фигурках.

Литература

- Мешкерис 1962 – Мешкерис В.А. Терракоты Самаркандского музея. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. 108 с.
- Мешкерис 1989 – Мешкерис В.А. Корoplastика Согда. Душанбе: Дониш, 1989. 170 с.
- Яценко 2006 – Яценко С.А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 664 с.
- Яценко 2017 – Яценко С.А. Иностранцы из оазисов Средней Азии на китайских погребальных терракотовых фигурках «минчжи» VII–VIII вв. // Цивилизации Великого Шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук / Под ред. А. Искандеровой. Самарканд: МИЦАИ, 2017. С. 173–189.
- Яценко 2018 – Яценко С.А. Согдийцы в искусстве Китая начала династии Тан: критерии идентификации // Артикульт. 2018. Вып. 29. № 1. С. 35–40.

- Kidd 2002 – *Kidd F.* The chronology and style of a group of Sogdian statuettes // *Walls and frontiers in inner Asian history* / Ed. by C. Benjamin and S. Lien (Silk Road Studies VI). Turnhout: Brepols, 2002. P. 197–214.
- Mahler 1959 – *Mahler J.G.* The westerners among the figurines of the T'ang dynasty of China (Serie Orientale Roma, vol. XX). Roma: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, 1959. 204 p.
- Shloss 1969 – *Schloss E.* Foreigners in ancient Chinese art from private and museum collections. March 27 through May 25, 1969. New York: the China Institute of America, 1969. 48 p.
- Umehara 1997 – *Umehara T.* Miho museum. South Wing. Shigaraki: Miho Museum, 1997. 383 p.
- Valenstein 2015 – *Valenstein S.V.* Cosmopolitanism in the Tang dynasty. A Chinese ceramic figure of a Sogdian wine-merchant. Los Angeles: Bridge 21 Publications, 2015. 104 p.
- Yatsenko 2012 – *Yatsenko S.A.* Sogdian costume in Chinese and Sogdian art of the 6th–8th cc. // *Serica – Da Qin. Studies in archaeology, philology and history on Sino-Western relations* / Ed. by G. Malinowski, A. Paroń, and B.Sz. Szmoniewski. Wrocław: Instytut archeologii i etnologii PAN, 2012. P. 101–114.
- Yatsenko 2019 – *Yatsenko S.A.* Some notes on Sogdian costume in early Tang China // *The Silk Road*. 2019. Vol. 17. P. 65–73.
- Сиань бэйшоу 2003 – Сиань бэйшоу Ань Чжия му / 西安北周安伽墓 (Могила Ань Чжия [Цзе] эпохи Северного Чжоу в Сиани). Пекин: Вэньбу чубаньшэ, 2003. 113 с.

References

- Kidd, F. (2002), “The chronology and style of a group of Sogdian statuettes”, *Walls and frontiers in inner Asian history*, C. Benjamin and S. Lien (eds.) (Silk Road Studies VI), Brepols, Turnhout, Belgium, pp. 197–214.
- Mahler, J.G. (1959), *The westerners among the figurines of the T'ang dynasty of China* (Serie Orientale Roma, Vol. XX), Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente, Roma, Italy.
- Meshkeris, V.A. (1962), *Terracotty samarkandskogo museya* [Terracotta of Samarkand museum], Izdatel'stvo gisudarstvennogo Ermitazha, Leningrad, Soviet Union.
- Meshkeris, V.A. (1989), *Koroplastica Sogda* [Coroplasty of Sogd], Donish, Dushanbe, Soviet Union.
- Schloss, E. (1969), *Foreigners in ancient Chinese art from private and museum collections*, March 27 through May 25, 1969, the China Institute of America, New York, USA.
- Umehara, T. (1997), *Miho museum. South Wing*, Miho Museum, Shigaraki.
- Valenstein, S.V. (2015). *Cosmopolitanism in the Tang dynasty. A Chinese ceramic figure of a Sogdian wine-merchant*, Bridge 21 Publications, Los Angeles, USA.
- Xi'an beishou An Jia mu* / 西安北周安伽墓 (2003), Wenwu chubanshe, Beijing, China.

- Yatsenko, S.A. (2012), "Sogdian costume in Chinese and Sogdian art of the 6th–8th cc.", *Serica – Da Qin. Studies in archaeology, philology and history on Sino-Western relations*, G. Malinowski, A. Paroń, and B.Sz. Szmoniewski (eds.), Insytut arkheologii i etnologii PAN, Wrocław, Poland, pp. 101–114.
- Yatsenko, S.A. (2006), *Kostyum drevnei Evrazii (iranoyazychnye narody)* [Costume of the Ancient Eurasia (the Iranian-Speaking Peoples)], Vostochnaya literatura, Moscow, Russia.
- Yatsenko, S.A. (2017), "Foreigners from the oases of Transoxiana on the burial Chinese „Minqi“ Terracotta of the 7th–8th cc.", *Tsivilizatsii Velikogo Shelkovogo puti iz proshlogo v budushchee: perspektivy estestvennykh, obshchestvennykh, humanitarnykh nauk* [Civilizations of the Great Silk Road from the Past to the Future: Perspectives of Natural, Social and Human Sciences], A. Iskanderova (ed.), MITSAI, Samarkand, Uzbekistan, pp. 173–189.
- Yatsenko, S.A. (2018), Sogdiitsy v iskusstve Kitaya nachala dinastii Tan: kriterii identifikatsii [Sogdians in the art of China of the early Tang dynasty: the identification criteria], *Articult*, vol. 29, no. 1, pp. 35–40.
- Yatsenko, S.A. (2019), "Some notes on Sogdian costume in early Tang China", *The Silk Road*, vol. 17, pp. 65–73.

Информация об авторе

Сергей А. Яценко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sergey_yatsenko@mail.ru

Information about the author

Sergei A. Yatsenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; sergey_yatsenko@mail.ru